6 4 6 4

1960 г.

4

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

Ашик-Кериб

(Турецкая сказка)

Художник А. Клопотовский

Производство студии „Диафильм", 1959 г.

Давно тому назад, в городе Тифлисе, жил один богатый турок. Много аллах дал ему золота, но дороже золота была ему единственная дочь Магуль-Мегери.

3

Был также в Тифлисе бедный Ашик-Кериб. Пророк не дал ему ничего, кроме высокого сердца и дара песен.

Играя на саазе и прославляя древних витязей, ходил он по свадьбам увеселять богатых и счастливых. На одной свадьбе он увидал Магуль-Мегери, и они полюбили друг друга.

Мало было надежды у бедного Ашик-Кериба получить её руку, – и он стал грустен. Магуль-Мегери стала его утешать: „Отец мой сыграет нашу свадьбу и наградит меня столько, что нам вдвоём достанет".

– Хорошо, – отвечал он, – положим, Аяк-Ага ничего не пожалеет для своей дочери; но кто знает, что после ты не упрекнёшь меня в том, что я ничего не имел и тебе всем обязан. Нет, я положил зарок: семь лет странствовать по свету и нажить себе богатство либо погибнуть в дальних пустынях; если ты согласна на это, то по истечении срока будешь моею женой.

Магуль-Мегери согласилась, но прибавила, что если в назначенный день он не вернётся, она сделается женою Куршуд-бека, который давно уж за неё сватается.

Пришёл Ашик-Кериб к своей матери, взял её благословение, поцеловал сестру и вышел из города Тифлиса.

И вот догоняет его всадник, – он смотрит: это Куршуд-бек. – „Добрый путь! – кричал ему бек. – Куда бы ты ни шёл, странник, я твой товарищ".

Не рад был Ашик своему товарищу, но нечего делать. Долго они шли, наконец завидели реку. Ни моста, ни брода. – „Плыви вперёд, – сказал Куршуд-бек, – я за тобой последую“.

Ашик сбросил верхнее платье и поплыл. А Куршуд-бек, взяв его одежду, ускакал обратно в Тифлис.

Отнёс бек платье Ашик-Кериба к его старой матери и говорит: „Твой сын утонул в глубокой реке".– В невыразимой тоске упала мать на одежды любимого сына и стала обливать их жаркими слезами.

Потом взяла их и понесла к Магуль-Мегери. – „Мой сын утонул, – сказала она ей. – Куршуд-бек привёз его одежды; ты свободна“. – Магуль-Мегери улыбнулась и отвечала: „Не верь, это всё выдумки бека“.

Между тем Ашик-Кериб пришёл бос и наг в одну деревню. Добрые люди одели его и накормили; он за это пел им чудесные песни.

Таким образом переходил он из деревни в деревню, из города в город, и слава его разнеслась повсюду.

Прибыл он наконец в Халаф. По обыкновению, взошёл в кофейный дом, спросил сааз и стал петь. Услышали его слуги паши, большого охотника до песельников.
– „Иди с нами к великому паше!“ – закричали они.

– Я человек вольный, – говорит Ашик-Кериб, – хочу пойду, хочу нет, – и ваш паша мне не начальник. – Однако его схватили и повели к паше.

– Пой,– сказал паша, и Ашик запел. В этой песне он славил свою Магуль-Мегери. И эта песня так понравилась гордому паше, что он оставил у себя бедного Ашика.

Посыпалось к нему серебро и золото, и весело стал жить Ашик-Кериб.

Забыл он свою Магуль-Мегери или нет, не знаю, только срок истекал. И прекрасная Магуль-Мегери стала отчаиваться. В это время отправлялся один купец с караваном из Тифлиса. Призывает Магуль-Мегери купца к себе и даёт ему золотое блюдо.
19
РГДБ 2018

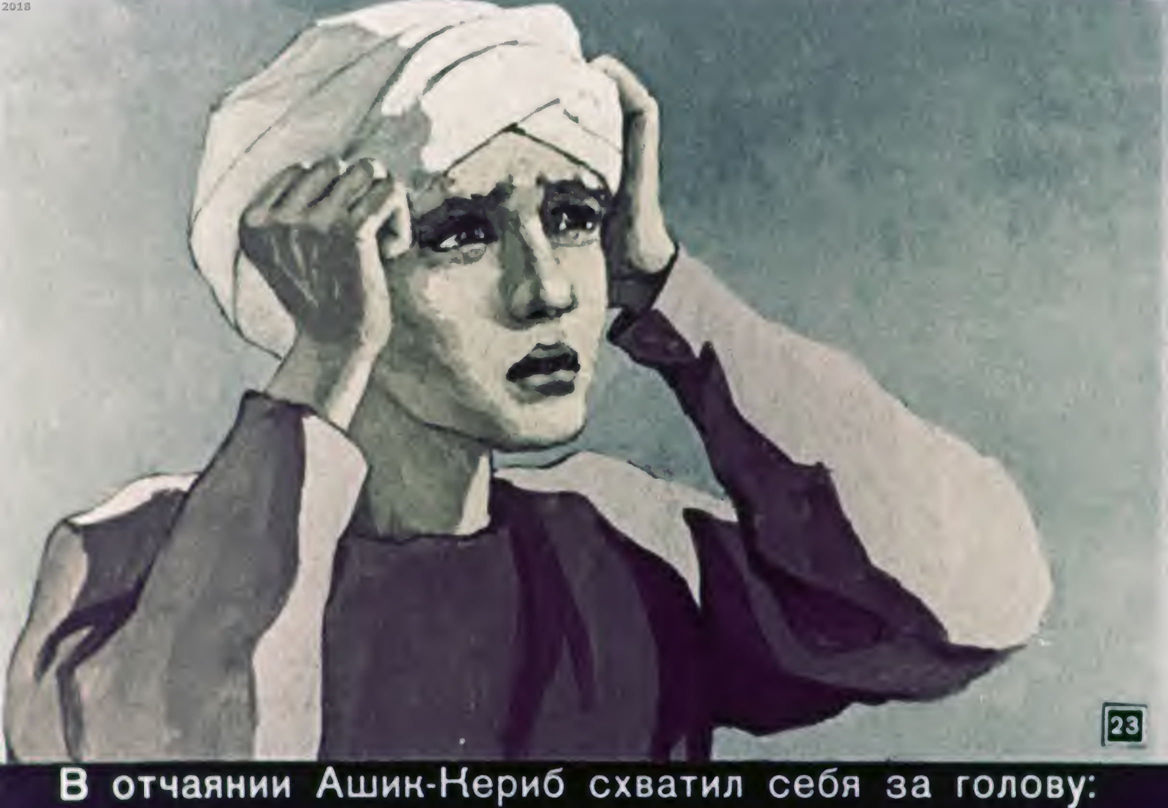
– В какой бы ты город ни приехал, выставь это блюдо в своей лавке и объяви, что тот, кто признается блюду хозяином и докажет это, получит его.

Купец везде исполнял поручение Магуль-Мегери, но никто не признался хозяином золотому блюду. Уж купец продал почти все свои товары и приехал с остальными в Халаф. Объявил он везде поручение Магуль-Мегери.

Услыхав это, прибегает в лавку Ашик-Кериб. – „Это моё!“ – сказал он. – „Точно, твоё, – сказал купец, – я узнал тебя, Ашик-Кериб. Ступай же скорее в Тифлис, если ты не будешь в назначенный день, то Магуль-Мегери выйдет за другого“.

В отчаянии Ашик-Кериб схватил себя за голову: оставалось только три дня до рокового часа.

Однако он сел на коня, взял с собой суму́ с золотыми монетами и поскакал, не жалея коня.

Наконец измученный бегун упал бездыханный на Арзинган горе. Что Ашик-Керибу было делать: до Тифлиса два месяца езды, а оставалось только два дня. И хочет он броситься с утёса.

Вдруг видит внизу человека на белом коне и слышит громкий голос: „Юноша, что ты хочешь делать?“ – „Хочу умереть“, – отвечал Ашик. – „Слезай же сюда, если так, я тебя убью“.

Ашик спустился. – „Ступай за мною, – сказал грозно всадник. – Повесь суму́ свою на седло моё и следуй“. – Отстал Ашик-Кериб, как ни старался бежать.

–„Что ж ты отстаёшь?“ – спросил всадник. – „Твой конь быстрее мысли, а я уж измучен“. – „Садись же сзади на коня моего и говори: куда тебе нужно ехать?“ – „Хоть бы в Арзерум поспеть нынче“, – отвечал Ашик.

– Закрой же глаза, – сказал всадник. – Теперь открой. – Смотрит Ашик: перед ним белеют стены и блещут минареты Арзерума.

– „Виноват, Ага, – сказал Ашик, – я ошибся, мне надо в Карс". – „То-то же, – отвечал всадник. – Закрой же опять глаза. Теперь открой". – Ашик видит – Карс.

–„Виноват, Ага, трижды виноват: мне надо в Тифлис".–„Экой ты неверный!–сказал сердито всадник.–Закрой же глаза. Теперь открой".

Ашик вскрикнул от радости: они были у ворот Тифлиса.

— Благодеяние твоё велико, Ага, — сказал Ашик, — но мне никто не поверит, что в один день я поспел из Арзиньяна в Тифлис.

— Возьми из-под копыта коня комок земли и, если не станут верить истине слов твоих, то вели привести слепую, которая семь лет уж в этом положении, помажь ей глаза, и она увидит.

Ашик взял кусок земли из-под копыта белого коня, но только он поднял голову — всадник и конь исчезли.

Поздно вечером отыскал Ашик-Кериб дом свой. –„Мать, ради странствующего твоего сына, впусти меня". – „Для ночлега путников есть дома богатых и сильных", – отвечал ему слабый голос старухи.

Но дочь её отперла дверь и впустила Ашик-Кериба. Видит он: на стене висит его сладкозвучная сааз. И он ударил по медным струнам, и струны согласно заговорили...

– Это сааз моего несчастного сына! – сказала старуха. – Семь лет ничья живая рука до неё не дотрагивалась. И вот уже семь лет, как я ослепла от слёз.

Взяв сааз, Ашик-Кериб отправился в дом Магуль-Мегери, где шумел свадебный пир. В эту ночь Магуль-Мегери должна была сделаться женой Куршуд-бека. Сестра, проводив Ашика, осталась у дверей.

Магуль-Мегери, сидя за чапрой со своими подругами, держала в одной руке чашу с ядом, а в другой острый кинжал: она поклялась умереть прежде, чем опустит голову на ложе Куршуд-бека.

– „Селям алейкюм! – сказал Ашик. – Позвольте мне, бедному страннику, сесть с вами, и за то я спою вам песню". – „Почему же нет, – отвечал жених. – Спой что-нибудь, и я отпущу тебя с полной горстью золота".

И Ашик запел: „Я был в городе Халафе, но бог дал мне крылья, и я прилетел сюда в три дня..." – „Ты лжёшь! – воскликнул брат Куршуд-бека. – Как можно из Халафа приехать сюда в три дня?"

Но Магуль-Мегери, узнав голос своего Ашика, вскрикнула и бросилась к нему на шею. Брат Куршуд-бека бросился на них с кинжалом, но Куршуд-бек остановил его, промолвив: „Знай: что написано у человека на лбу при рождении, того он не минует".

– „Поведай, – сказал он, – как же ты мог, Ашик-Кериб, в такое короткое время проехать такое великое пространство?" – „В доказательство истины, – отвечал Ашик, – приведите слепую, и я возвращу ей зрение".

43

Сестра Ашика, услышав такую речь, побежала и привела мать. Ашик взял комок земли из-за пазухи, развёл его водою, намазал матери глаза, и она прозрела.

После того никто не смел сомневаться в истине слов его, и Куршуд-бек уступил ему безмолвно прекрасную Магуль-Мегери.

Тогда в радости Ашик-Кериб сказал ему: „Послушай, Куршуд-бек, я тебя утешу! Сестра моя не хуже твоей прежней невесты, возьми её за себя – и будьте так же счастливы, как я с моей дорогой Магуль-Мегери".

КОНЕЦ

Сценарий диафильма Э. ЭФУНИ
Консультант И. АНДРОНИКОВ
Редактор Е. КАВТИАШВИЛИ
Художественный редактор А. МОРОЗОВ

Д-76-59

Студия „Диафильм"
Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7